

гут внести путаницу при преподавании и дезориентировать изучающих язык.

Несмотря на недочеты, которые можно легко исправить при подготовке учебника к переизданию, пособие Н. Д. Мановой «Учимся говорить по-коми» вносит достойный вклад в теорию и практическую методику изучения коми языка как иностранного, неродного языка. Издание рецензируемого учебного пособия имеет и важное общественное значение для Республики Ко-

ми. Вряд ли теперь кто-то из представителей русскоязычного населения будет иметь серьезный повод говорить об отсутствии учебников для изучения коми языка. Данным учебным пособием могут успешно воспользоваться и те коми, кто заинтересованы в усовершенствовании своего языка. Учебник представляет собой, таким образом, и средство для языкового самообразования и самосовершенствования.

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ
(Сыктывкар—Хельсинки)

<https://doi.org/10.3176/lu.1995.2.17>

* * *

Das vorliegende Komi-Lehrbuch ist schon das zweite moderne, kommunikativ ausgerichtete Lehrbuch, das Russischsprachigen die komi-syrjänische Literatursprache vermitteln will (1992 erschien im selben Verlag in Syktывkar das Lehrbuch «Коми кыв. Самоучитель коми языка» von J. A. Cypanov; Rez. s. LU XXX 1994).

Dieser praktische Kurs der Komi-Umgangssprache besteht aus drei Einführungslektionen, einem Grundkurs aus 16 Lektionen, verschiedenen Lesetexten und zwei Wörterverzeichnissen (Russisch-Komi, Komi-Russisch).

Im Einführungskurs werden das Schrift- und Lautsystem des Komi behandelt sowie die wichtigsten Ausdrücke der täglichen Rede wie Grußformeln, Glückwünsche usw. angeführt. Die Tabelle über die Vokalphoneme und -grapheme ist irreführend, denn die Vokale *a, ö, ы* erscheinen in zwei getrennten Reihen (*a, ö* mittlerer Reihe, *ы* mittlere-rechtere Reihe), obwohl sie doch phonetisch/phonologisch alle drei eindeutig Mittelzungenvokale sind. In der Tabelle fehlt auch das nicht-moullierende Vokalzeichen *э* für das Phonem /e/, für /i/ sind hingegen beide Grapheme (*u, i*) angegeben.

Im Grundkurs werden sukzessiv die Grundlagen der Komi-Grammatik anhand lebendigen Sprachmaterials (Dialoge aus dem Alltagsleben, adaptierte Texte aus Presse und Belletristik) dargestellt; es gibt auch ausreichend Übungen dazu. Es sind alle wichtigen Themenbereiche der alltäglichen Konversation abgedeckt: Familie, Verwandtschaft, Wohnung, Schule, physische und psychische Eigenschaften, Zeitangaben, Jahreszeiten, Essen und Trinken (mit Kochrezepten) usw. Schon im Grundkurs, wie auch in den Wörterverzeichnissen, sind die morphologischen Besonderheiten

der Flexion immer angegeben, z.B. der wortinnere Lautwechsel von silbenauslautendem *v* mit silbenanlautendem *l*:- *вöвны* [вöл-] 'sein' (*esse*-Verb), *вöв* [вöл-] 'Pferd' usw. sowie auch die mit Konsonant erweiterten Nominalstämme (in Position vor vokalanlautenden Suffixen) *ош* [ошк-] 'Bär', *из* [изü-] 'Stein' usw.

Teil I des Anhangs besteht aus einer Grammatik, die im Vergleich zu den Lektionen ziemlich umfangreich ist. Hervorzuheben ist in diesem Abschnitt das Kapitel über Syntax; die Satzlehre kommt ja in vergleichbaren Arbeiten immer zu kurz.

Der Anhang II besteht aus den Lesetexten. Man findet darin Informationen zur Ethnographie (die Texte von N. Konakov über die Kindererziehung und über die Feste bei den Komi früher), linguistische Deutungen von Komi-Familiennamen (von A. Turkin), aber auch Journalistisches, wie z.B. einen Bericht über ein in Komi gesichtetes UFO (das übrigens auch auf Komi 'Untertasse' heißt). Die Schrift über Leben und Werk des Ethnographen V. P. Nalimov (verfaßt von einem Autorenkollektiv) zeigt deutlich, wie stark die Sprache der Wissenschaft von Russizismen durchsetzt ist.

Da auch das Lehrbuch von J. A. Cypanov ähnlich ausgerichtet ist, kommt es auch zu Überschneidungen bei den Textillustrationen. So kommen die Kinderverse von N. Ščukin (als Übung zur Aussprache der Affrikaten) und zwei Volkslieder (über den tanzenden Hasen "Кöч йöктö" und über den faulen Jungen "Дыш пи") in beiden Lehrbüchern vor. Die inzwischen wieder zu neuem Leben erweckten alten Monatsbezeichnungen der Komi-Sprache sind ebenfalls in beiden Lehrwerken erläutert.

Die Wörterverzeichnisse im Anhang enthalten 1680 (Komi-Russisch) bzw. 2302 (Russisch-Komi) Wörter.

Das Lehrbuch ist für den Gebrauch in den Schulen bestimmt, eignet sich aber sicher auch für den Selbstunterricht.

Es gibt also schon moderne Lehrbücher

für den Komi-Unterricht, hoffentlich führt das auch zu einem verstärkten Interesse an dieser Sprache sowohl bei der russischen Bevölkerung der Republik wie auch bei den Komi, welche die Sprache ihrer Vorfahren schon verstanden haben.

ATTILA DOBÓ (Pécs)

В. Д. Бондалетов, Финно-угорские заимствования в русских аргю. Учебное пособие, Самара 1992. 160 с.

Книга представляет собой анализ иноязычных слов и производных от них в словарном составе русского аргю. Условный язык, или аргю, является одним из типов социальных диалектов, который характеризуется наличием а) конспиративной (закрытой для посторонних) функции и б) созданной для ее реализации лексики, изменяющейся по грамматическим законам общего языка или диалекта. Носителями такой тайной речи чаще всего бывают три категории лиц: 1) торговцы — базарные и разносчики (коробейники-офени), 2) ремесленники-отходники (шерстобиты, валяльщики валенок, портные, кузнецы, печники и т. п.), 3) профессиональные нищие — сборщики подаяний. Условная речь обеспечивала ее носителям сохранение профессиональных тайн. Необычный язык выполнял также экспрессивную и ритуальные функции.

Привлечение автором большого фактического материала дает реальную картину межъязыковых контактов, существовавших между демократическими слоями и профессиональными группами русского и финно-угорских народов. Собранные сведения позволяют точно определить участие каждого из финно-угорских языков в формировании арготической лексики русских ремесленников и торговцев, общий ареал распространения финно-угорских заимствований и зоны включений из конкретных языков, а также реальное место финно-угорского элемента в лексической и словообразовательной системе отдельных аргю.

Приведены заимствования в русские аргю почти из всех финно-угорских языков — мордовских (мокшанского и эрзянского), марийских (горного и лугово-восточного), удмуртского, коми, вепского, карельского, финского, эстонского и венгерского. Больше

всего аргю использует мордовскую (121) и марийскую (67) лексику, скромнее представлены прибалтийско-финские (21), пермские (15) и венгерские (7) заимствования. По количеству финно-угорские заимствования в русских аргю превосходят заимствования из индоевропейских (их около 200) и тюркских (их около 170) языков. Однако производных образований финно-угорские лексические элементы в целом дали значительно меньше, чем индоевропейские.

Основная масса финно-угорских элементов встречается в поволжских и некоторых северных русских аргю, носители которых находятся или находились ранее в соседстве с финно-угорскими народами. Характеристике лексических пластов в системе аргю посвящены отдельные главы рецензируемого пособия. Слова мордовского происхождения входят в аргю, распространенные в Пензенской области и Мордовии. Марийская по происхождению арготическая лексика более локализована, чем мордовская. Она сосредоточена в *жгонском* языке костромских, нижегородских, а также зубово-полянских (Мордовия) и беднодемьяновских (Пензенская область) ремесленников-шерстобитов и портных. Пермские (коми и удмуртские) заимствования встречаются в основном в северо-восточных аргю на территории Нижегородской области. Заимствования из прибалтийско-финских (вепского, карельского, финского и эстонского) языков обнаруживаются в северных (Карелия) и верхневолжских (Тверская, Костромская, Ярославская обл.) аргю. Небольшое количество венгерских арготизмов попало в русский язык, видимо, непосредственно от венгерских торговцев или через носителей украинского аргю.

Наиболее ранние заимствования из фин-